

КРИТИКА НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ НЕОТОМИСТСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Б. КУЗМИЦКАС

Неотомизм — официальная философия современной католической церкви — является разновидностью современного объективного идеализма. Поэтому его представители, в отличие от течений субъективного идеализма и иррационализма, признают значение основных вопросов философии, усердно занимаются вопросами онтологии и гносеологии, вопросами науки и общественной жизни. Все эти вопросы неотомисты решают идеалистически.

Признавая в области теории познания существование объективной реальности, независимой от сознания человека, и познаваемость этой реальности человеком, неотомисты одновременно считают, что в ее основе находятся нематериальные принципы, духовное бытие, иначе говоря, бог. В человеческой познавательной деятельности главным они считают не столько познание материальной деятельности, сколько усмотрение в ней абсолютного божественного разума, лежащего якобы в основе всякого бытия.

Неотомистская онтология занимается рассмотрением «нематериальных принципов бытия», в свете которых материя превращается в сверхчувственную реальность *materia prima*. В области морали неотомисты признают объективность и общезначимость моральных принципов, но эти принципы, согласно их утверждениям, должны направлять человека в конечной цели, которая соответствует его природе, а такой целью является бог.

Из этого видно, что положения объективного идеализма в неотомизме совмещаются с догматами теологии и что вся неотомистская философия служит рациональным обоснованием этих догматов. Это характеризует неотомизм как открыто религиозную философию. В этом также состоит одно из главных отличий неотомизма от некоторых других разновидностей современного объективного идеализма, от систем объективного идеализма прошлого.

В эпоху империализма буржуазная философия, как и вся буржуазная идеология, тяготеет к сближению с религиозно-клерикальной идеологией. Ярким примером этой тенденции служит неотомизм. В конце XIX века, в эпоху развития науки и распространения материалистического миропонимания, католическая церковь воскресила томистскую философию для укрепления собственных идеологических позиций. Но по мере более частого и активного выступления церкви в качестве защитника буржуазного общества, неотомизм тоже становится идеологическим защитником капиталистического мира.

Объективно идеалистический характер неотомизма дает ему возможность вмешиваться во все области, где происходит идеологическая борьба двух лагерей. С одной стороны, представители неотомизма стремятся «обезвредить» науку, подчинить ее религии, а с другой стороны, вместе с верхушкой католической церкви они выдвигают буржуазные идеи «католического социализма», гармонии между социальными классами, пытаясь этим противодействовать распространению идей социализма и коммунизма.

Это обстоятельство в последнее время выделяет неотомизм из других течений современного идеализма как наиболее пригодный идейно защищать интересы капиталистического строя. Если субъективный идеализм пытается противостоять диалектическому материализму лишь по отдельным вопросам, то неотомизм занимает по отношению к нему враждебную позицию по всем вопросам философии, науки и общественной жизни.

Вопросы теории познания могут быть рассматриваемы как гносеологический аспект концепции человека. В данной статье мы будем рассматривать неотомистскую теорию познания, стремясь выяснить, насколько вопросы теории познания дополняют неотомистское понимание человеческого сознания и разума. Другими словами, неотомистскую теорию познания рассмотрим в антропологическом аспекте. В этом отношении не все вопросы теории познания представляют одинаковый интерес: в качестве объекта исследования рассмотрим неотомистскую концепцию человеческого разума как субъекта познания, а также сам процесс познания человеческим разумом окружающей действительности. В связи с этим рассмотрим также неотомистское понимание объекта познания, т. е. понимание характера независимой от сознания человека действительности, познать которую призван человеческий разум.

Для более полного понимания неотомистской концепции человеческого разума как субъекта познания, надо коротко коснуться вопроса о том, как неотомисты трактуют человека вообще и, в особенности, как они объясняют явления человеческого сознания.

Человека неотомисты трактуют как субстанциональное единство двух равнозначных субстанциональных элементов — телесного и духовного, выдавая этот дуализм за объективность своей концепции. Развивая свои мысли дальше, неотомисты постепенно отдаляются от этого исходного положения и приходят к идеалистическому монизму. Это выражается в том, что духовное начало в человеке, объясняемое ими при помощи души, объявляется высшим принципом, определяющим как деятельность сознания человека, так и жизненные процессы в его организме. «Душа есть то, что делает человека материальной субстанцией, живым телом, чувствующим организмом и рациональным животным».¹ Телесное превращается только в способность меняться согласно актам «субстанциональной формы», или души человека, т. е. в абсолютную пассивность и неспособность к самоопределению.

Разум человека, наряду с волей, трактуется неотомистами как акциденция души, как ее проявление и способность (power), соединяющее ее с материальным миром. Сама душа, утверждают неотомисты, как чисто духовная субстанция не может войти в контакт с материей. Для этого она нуждается в посредничестве разума, который, будучи «внутренне независимым от материи, зависит от нее внешне». Внешняя зависимость разума от материи проявляется якобы в том, что разум в своей деятельности нуждается в материальном органе — мозге и в впечатле-

¹ I. Donceel, *Philosophical Psychology*, N. J., 1961, p. 326.

ниях из материального мира. Таким образом, материальные условия, которые действительно определяют возникновение, деятельность и сущность сознания, как идеального отражения материальной действительности, неотомисты считают только внешней и несущественной зависимостью сознания от материи. «Внутренне» разум и мышление зависят только от души. «Душа является внутренним принципом этих способностей, которые в своей деятельности являются нематериальными, внутренне независимыми от материи»², — пишет американский неотомист Дж. Клубертанц. Положение о том, что сознание и разум человека не могут быть зависимыми и существенно связанными с материальными причинами, является основой неотомистской концепции сознания и человека вообще. «Наш интеллект является внутренне независимым от нашего мозга, наш мозг не является причиной операций нашего интеллекта»³, — заявляет И. Донсил.

Эти высказывания ярко свидетельствуют о том, что неотомисты, по сути дела, отстаивают чисто религиозные взгляды на человека, на природу его разума, пытаясь это доказать рационалистически.

Мышление, как и другие моменты деятельности человеческого сознания, по своей природе является идеальным, однако оно зависит от воздействия материального мира. Эта зависимость проявляется в том, что деятельность сознания является идеальным отражением объективного материального мира, что мышление является функцией материального органа — мозга. Отрицая зависимость сознания от материи, неотомисты особое внимание уделяют онтологическому его аспекту. Выдвигая религиозные положения о зависимости человека от бога, о сотворении человека богом, неотомисты проявляют себя как открытые защитники религии.

Материя, согласно неотомизму, сама по себе не имеет никаких определений, никакой действительности, ни активности, являясь лишь потенцией, чистой способностью стать чем-либо. А чем-то конкретным материя становится, только соединившись с нематериальной формой, от которой она получает все свои определения.

Признавая такой определяющей формой в человеке его душу, неотомисты всю психическую и физиологическую жизнь и деятельность человека выводят из духовного начала. Мышление и другие акты сознания трактуются ими лишь как «внутренне» от него зависящие проявления этого начала. Таким образом, выводя все определения и деятельность человека из духовного принципа, из души и утверждая, что душа проявляется только через сознание, неотомисты в какой-то степени из сознания выводят и всего человека как «чувствующий организм и рациональное животное».

Конечной причиной человека, как и всего сущего, неотомисты признают бога, понимаемого как абсолютное объективное сознание. Но человек как субстанциональная и неповторимая личность, обладающая моральной свободой и познавательной способностью, в своем «жизненном пути» является свободным, зависимым только от своей души, которая проявляется через сознание, и, следовательно, зависимым от своего сознания. Как же неотомисты понимают разум человека, как субъекта познания?

Человеческий разум, утверждает неотомизм, активен и познает объективный мир потому, что он духовен, т. к. духовному присуща активность, а материальному — пассивность. Отвергая единственно

² G. Klubertanz, *The Philosophy of Human Nature*, N. J., 1953, p. 308.

³ J. Donceel, указ. произв., стр. 250.

правильное материалистическое объяснение сознания, неотомисты проблему о природе сознания решают полностью идеалистически, с уклоном к субъективизму. Мышление они объясняют метафизически, выводя его из более общего понятия «деятельность», которая присуща всему человеку как субстанции. Дж. Клубертанц отмечает «многообразие в человеческой деятельности», относя к ней также вегетативную и сенситивную деятельность человеческого организма. Самым совершенным видом деятельности он считает мышление, т. к. оно якобы «внутренне» не зависит от материи.

Субстанциональность человека в целом, говорят неотомисты, означает единство всей человеческой деятельности; против этого положения нет основания возражать. В чем же заключается единство человека как субстанции? Оно заключается в духовном, в душе, отвечают неотомисты. Таким образом, источник и основа психической, как и всякой другой человеческой деятельности усматривается в нематериальном принципе, в душе. Этим неотомисты мышление объясняют метафизически, отвлекаясь от породивших его условий. «Человеческий интеллект не может ни обладать материальными качествами, ни быть материальным по природе, ни иметь материальный орган; он спиритуален»⁴, — пишет Дж. Клубертанц. Таким образом, разуму, как акциденции духовной субстанции, духовная деятельность присуща еще до контакта с материальным миром и независимо от него. «Познание — нематериальная деятельность. Поэтому она происходит от самого познающего, совершенством которого она есть»⁵.

Из сказанного видно, что мышление неотомисты считают первичным, изначально присущим сознанию, а объект познания, т. е. объективный материальный мир, — вторичным, необходимым в познании лишь для того, чтобы удовлетворить потребность духа в деятельности.

Однако активность разума и его способность познавать до контакта с материальным миром являются пассивными, находятся только в потенции, — объясняют неотомисты. Их активность и деятельность происходят под воздействием материального мира. Но, несмотря на эти утверждения, разум в неотомистском понимании все равно уже обладает активностью и способностью познавать еще до контакта с объективным миром, т. к. быть в потенции у неотомистов означает быть реальностью, но в недействительном состоянии. Будучи и в потенции, разум все равно активен до воздействия материального мира, до опыта. В связи с этим объект познания имеет значение лишь постольку, поскольку приводит в действие имманентные способности разума. Дж. Клубертанц говорит, что «интеллект, который по своей природе находится полностью в потенции, нуждается в ощущениях для своей интеллектуальной деятельности»⁶.

Таким образом, нетрудно обнаружить, что неотомистскому пониманию разума как субъекта познания свойственны субъективизм и метафизичность, что сказывается и на всей неотомистской теории познания.

С первого взгляда может показаться правильным неотомистское положение о том, что человеческому разуму присуща способность познания еще до опыта, до воздействия на него объектов внешнего мира. Известно, что умственное развитие человека во многом определяется культурным уровнем окружающей среды. Значит, при менее благоприятных условиях, духовные способности человека могут оставаться не полностью развитыми. Но это правильно только по отношению к уже

⁴ G. Klubertanz, указ. призыв., стр. 163.

⁵ Там же, стр. 328.

⁶ Там же, стр. 343.

развитому сознанию человека нашего времени. Разум современного человека действительно обладает способностью познания еще до контакта с объектом познания, может познать вещи, которые раньше казались непонятными. Но этой способностью человек обладает благодаря длительному своему развитию, благодаря историческому процессу общественно-трудовой деятельности. Это характерно для современного состояния развитого человеческого сознания. Неотомисты отделяют современное состояние человеческого сознания от его исторического развития и абсолютизируют его. Сознание ими трактуется как неизменное за все время существования человека, как определенное высшим нематериальным принципом. Первый познавательный акт только что созданного богом человека, по мнению неотомистов, уже исходил из стремления и активности его разума, а воздействие внешнего объекта играло второстепенную роль, актуализируя уже заложенные в разуме способности. Неотомисты отвергают тот факт, что в развитии человека, в зарождении и формировании его сознания, первичным является воздействие внешнего материального мира, а сознание является только ответом на это воздействие, его отражением. Сознание они отрывают от его действительного онтогенеза, подменяя его ссылками на бога. Такой односторонний подход является ярким примером метафизичности неотомистской концепции.

В неотомистской концепции разума отражается характерное для современного идеализма неправильное толкование некоторых действительно важных проблем теории познания. Человеческому разуму, безусловно, присущи активность, как и идеальный характер всей мыслительной деятельности. Это объясняется тем, что рациональное познание, по сравнению с чувственным, является качественно высшей ступенью, возникшей путем длительного исторического развития общественно-трудовой деятельности людей. Главное отличие рационального познания от чувственного заключается в том, что, отражая объективный мир в понятиях, в идеальных логических формах, разум отражает существенное, общее в материальном мире, а ощущения дают единичное, конкретное знание. Ощущения дают знание только в момент непосредственного воздействия на них материальных вещей, а разум путем логического мышления может познавать мир в некотором, относительном отрыве от непосредственных чувственных данных. Благодаря своей умственной деятельности человек на основе уже познанного может заключать о новых, еще неизвестных явлениях материального мира. Идеалисты обычно абсолютизируют этот момент в познании, превращая его в главную предпосылку деятельности разума. Относительную самостоятельность человеческого мышления идеалисты превращают в абсолютную «внутреннюю» независимость разума от материального мира. В неотомизме такая абсолютизация разума сочетается с религиозными положениями о душе, якобы лежащей в основе всей мыслительной деятельности.

Непонимание значения исторического процесса общественно-производственной деятельности в возникновении и развитии человеческого сознания ведет к идеалистическому пониманию разума, сочетающееся у неотомистов с религиозными догматами о сотворении человека богом. Сознание и разум неотомисты объясняют односторонне, метафизически, не признавая момента развития как главного для правильного их понимания.

Средневековое мировоззрение, трактовавшее вещи как неизменные и готовые, неотомистами переносится в наше время, когда многие вопросы, связанные с происхождением человека, Земли и т. д., уже решены научно. Если для средневековья метафизический взгляд на природу и

сознание человека был обусловлен состоянием науки того времени, то метафизичность неотомизма в наше время является явным признаком его несостоятельности.

Метафизичность во многом обуславливает и субъективизм неотомистского понимания разума как субъекта познания. Основу сознания и мышления они видят в нематериальном, идеальном начале. А так как духовное и идеальное в человеке — это только акты его сознания, то получается, что сознание является основой и источником самой себя и своей деятельности.

При этом неотомисты закрывают глаза на то, что активность и свобода разума возможны только на основе уже приобретенных знаний. Творческая научная активность разума как отдельного индивида, так и всего человечества тем больше, чем большими знаниями уже располагает разум. Чем больше человек знает, тем больше он независим от природы, тем больше он может проявлять свободу и активность в выборе средств для ее покорения. Свобода разума не абсолютна, как утверждают неотомисты: она проявляется лишь в рамках и на основе уже познанного. Эти рамки постоянно расширяются лишь в результате приобретения новых знаний. А всякое научное знание есть знание о материальном мире, о его закономерностях. Логические формы мышления тоже почерпнуты из действительности. Таким образом, до контакта с материальным миром разум человека не может обладать ни активностью, ни свободой, т. к. для этого нужны знания об этом мире. Человек приобретает разум, благодаря чему он и становится человеком, но только постольку, поскольку он находится во взаимодействии с материальным миром.

Следовательно, признавая на словах существование независимого от человеческого сознания объективного мира, познаваемого человеком при помощи ощущений и разума, неотомисты на самом деле превращают объективный мир и ощущения в нечто вторичное по отношению к сознанию, служащее только для актуализации потенциальных способностей разума.

Сам объективный материальный мир неотомистами трактуется как проявление нематериального, божественного бытия, которое составляет основу неотомистского объективного идеализма. Признавая значение природного мира в познании лишь постольку, поскольку он актуализирует способности разума, неотомисты делают шаг в направлении субъективного идеализма.

Как же неотомисты понимают взаимоотношение субъекта и объекта в процесс познания, и не отходят ли они при этом от объективизма исходной позиции в сторону субъективизма.

Исходя из объективистских позиций, неотомисты утверждают, что человеческий разум познает вне и независимо от него существующий реальный мир. Но в чем заключается реальность мира? Заключается она в том, отвечают они, что внешний мир, к познанию которого направлена деятельность разума, существует. «Истинный объект интеллекта есть бытие»⁷. «Факт, о котором мы мыслим, каким-нибудь образом есть»⁸, — пишет Дж. Клубертанц. Объявляя объектом познания все то, что «существует», неотомисты открывают себе возможность считать реальным и познаваемым не только материальный, но и интеллигибельный, духовный мир. Утверждения о том, что критерий реальности факта заключа-

⁷ G. Klubertanz, указ, произв., стр. 168.

⁸ Там же.

ется в его бытии, помогает неотомистам формально оставаться на объективистских позициях.

Дж. Клубертанц пишет: «То, что есть, согласно любому способу существования (according to any manner of existing), есть бытие»⁹. Неотомисты различают три способа существования: материальный, спиритуальный и интенциональный. Два последних они считают нематериальными. Следовательно, объектом познания у неотомистов является как материальное, чувственное, так и духовное, сверхчувственное бытие. Материальный мир познается разумом через посредство ощущений, а интеллигибельный мир познается интуитивно или путем аналогии с материальным миром.

Согласно неотомистскому делению мира на духовный и материальный, как на высший и низший мир, познание материального мира признается низшим, менее важным по сравнению с познанием интеллигибельного мира. Цель познания — познание духовного мира, на вершине которого находится бог. Дж. Клубертанц пишет, что объектом человеческого познания есть «сама интеллигибельность бытия, как она проецируется в природе ощущаемых вещей. . .»¹⁰.

Таким образом, конечной целью познания, согласно неотомистской гносеологии, является раскрытие интеллигибельной сущности всего мира — как материального, так и нематериального. Материальный мир своими законами якобы тоже указывает на свою разумную, интеллигибельную основу, которой, в конечном счете, является бог.

Раздваивая объект познания на духовный и материальный, неотомисты идут по пути отрицания зависимости разума от материи и в гносеологическом аспекте. Это означает дальнейшую субъективизацию разума. Но остаются ли материальное бытие, материальные объекты познания материальными в процессе познания, познаются ли они как материальные? Материальные вещи, согласно неотомистскому пониманию, в отношении своей познаваемости делятся на познаваемую и непознаваемую стороны. Познаваемой стороной является нематериальная форма вещей, познаваемая благодаря этому. «Чтобы знать что-нибудь другое, чем он сам, познающий должен стать познаваемым объектом, должен принять форму этого объекта»¹¹.

Американский неотомистский специалист по теории познания Дж. Пейфер считает, что познание совершается только путем нематериального обладания познающим самой формой другого, как другого, той самой формой, которая делает объект тем, чем он есть»¹².

Приведенные высказывания показывают, что их авторы познаваемый предмет сводят только к его форме. Форма определяет предмет, делает его тем, чем он есть и каковым он является в качестве объекта познания. Сам предмет, как носитель и единство познаваемых форм, неотомистов не интересует. Его нет, он чистая потенция или, по крайней мере, о нем ничего нельзя узнать.

Таким образом, материальный мир, как думают неотомисты, познается не как материальный, не благодаря своей материальности, а как идеальный мир. Материя как чистая потенция не может быть познанной, и познание совершается полностью в сфере идеального.

Признание существования наряду с материальным миром идеального, только умом или интуицией постигаемого мира является характерным и для других течений современного объективного идеализма.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 189.

¹¹ Там же, стр. 66.

¹² J. Peifer, *The Concept in Thomism*, 1952, p. 71.

Гносеологической основой для возникновения таких взглядов служит то обстоятельство, что в настоящее время человек живет и работает в окружении не только материальной действительности, но и огромного научного и культурного наследия, которое объективно существует в идеальных формах. Непонимание того факта, что этот идеальный мир является и возник только как отражение материального мира в процессе длительного развития научной и культурной деятельности человека, абсолютизация и отрыв этого идеального мира от производственной деятельности ведет к возникновению объективно-идеалистических взглядов. В неотомизме эти взгляды еще дополняются положениями религии, в результате чего идеальный мир человеческих знаний, кроме абсолютизации, получает еще статус «божественного». Важную роль в этом играет также метафизичность идеалистской методологии, согласно которой явления рассматриваются односторонне.

Субъективизм и несостоятельность неотомистской теории познания станет еще яснее, когда мы познакомимся с тем, каким образом она объясняет познание разумом объективных форм вещей, или «форм в материи». При этом еще надо коротко остановиться на том, как неотомисты понимают самое познание.

Познать, по мнению неотомистов, значит принять в себя, ассимилировать форму познаваемого объекта, обогащая ею себя. «Знать другое, в некотором смысле, значит быть другим, принять форму другого»¹³. «Познание есть принятие участия в бытии познаваемого»¹⁴, — пишет австрийский неотомист А. Бруннер. «Знание нас расширяет и обогащает»¹⁵, — заявляет Р. Филлипс.

Против таких мыслей, кажется, нельзя возражать. Знание человека действительно обогащает, делает его более умным и развитым. Но дальше с утверждениями неотомистов уже нельзя согласиться. Познавая, субъект, согласно их точке зрения, вступает в единство с познаваемым объектом, но не в том смысле, что, познавая, человек адекватно отражает в своем сознании познаваемый предмет, а в какое-то единство по способу существования. «Хотя познание по самой своей природе находится в познающем, оно приводит познающего в единство с познаваемой вещью»¹⁶. Это единство заключается в особом, общем бытии познающего субъекта и познаваемого объекта, которое называется интенциональным бытием. Неотомисты, конечно, признают единство познающего субъекта и его объекта и в том смысле, что субъект правильно и тождественно по содержанию познает объект, но тождество по содержанию якобы является зависимым от интенционального способа бытия, в котором в процессе познания вступает субъект и объект.

Познание неотомисты трактуют как такое восприятие субъектом познаваемой вещи, при котором объект и субъект остаются неизменными. Такое восприятие вещи означает лишь восприятие ее формы, т. е. нематериальное восприятие вещи. Нематериальное восприятие субъектом формы познаваемой вещи называется интенциональным ее бытием. Вещи поэтому, согласно неотомизму, могут существовать двумя способами: натурально (*esse naturale*) и интенционально (*esse intentionale*). «Единство, достигнутое в познании, возможно благодаря тому, что формы могут существовать двумя способами. . .»¹⁷. Интенционально вещь существует при ее познании.

¹³ G. Klubertanz, указ. произв., стр. 68.

¹⁴ A. Brunner, Grundfragen der christlichen Philosophie, Wien, 1956, S. 101.

¹⁵ R. Phillips, Modern Thomistic Philosophy, London, 1948, p. 214.

¹⁶ G. Klubertanz, указ. произв., стр. 67.

¹⁷ H. Reith, An Introduction to Philosophical Psychology, Prentice—Hall, 1956, p. 80.

Различие натурального и интенционального способов существования заключается в том, что «интенциональная форма существует без материальных характеристик, которые ограничивают и изолируют формы в их натуральном существовании»¹⁸.

Таким образом, познание неотомисты трактуют как деятельность, которая в своей сущности внутренне является независимой от материального мира. Со стороны субъекта нематериальность познания проявляется как способность разума принять форму объекта нематериальным образом, а со стороны объекта — как способность его формы существовать более высоким и совершенным, интенциональным способом.

В этих взглядах неверным, идеалистическим является как выделение формы в качестве более совершенной и единственно познаваемой стороной предмета, так и мысль, что форма предмета может существовать двумя способами. Форму нельзя отделить от предмета, потому что она определяется содержанием предмета и образует с ним нераздельное целое. Познавая предмет, мы познаем его одновременно как форму и как содержание. Тем более неправильно приписывание форме предмета двух способов существования. Есть только одна форма, форма объективно существующего предмета и в познании она не раздваивается и не меняется. В познании предмет только отражается в ощущениях и сознании человека и в этом смысле входит в сознание. Но входит не как второй экземпляр формы предмета, а как его отражение в идеальных формах сознания. Как форма, так и содержание объективно существующего предмета при этом остаются объективными и независимыми от сознания.

Форма предмета у неотомистов определяет его бытие и его познаваемость. «Форма должна также быть определяющей познание, как и реальность вне познания»¹⁹. Но если форма определяет объективное бытие предмета, а познание предмета — восприятие этой формы субъектом, то неотомистская концепция познания весьма приближается к субъективистскому единству субъекта и объекта.

Нетрудно понять, что неотомистские положения об интенциональном бытии и о познании как восприятии субъектом формы познаваемого предмета служат для «дематериализации» и идеализации познаваемого предмета, а также всего процесса познания, что означает и его субъективизацию. Познаваемый объект в интенциональном бытии выступает только своей нематериальной стороной, своей формой. Этим он как будто приспособляется к нематериальному способу существования разума, который, согласно неотомизму, в силу своей нематериальности не может прийти в контакт с материальным миром. В интенциональном бытии объект уже не полностью материален, он в какой-то степени уже находится в зависимости от субъекта. Это вытекает из одного из главных положений неотомизма о познании, гласящем, что «нематериальность есть основа познания и только нематериальные существа могут принять форму других вещей, как других»²⁰.

Неотомистское толкование познания, как нематериального и независимого от материи взаимодействия субъекта — объекта, означает идеализацию материального предметного мира. По мнению неотомистов, субъект, познавая, воспринимает вещь и этим поднимает ее на более высокую ступень существования. В этом проявляется отрицание неотомистами, как и многими другими идеалистами, сущности познания как отражения в сознании человека закономерностей объективного мира.

¹⁸ Там же.

¹⁹ J. Peifer, *The Concept in Thomism*, p. 50.

²⁰ H. Reith, *An Introduction to Philosophical Psychology*, p. 81.

В сознании возникает только образ, отражение познаваемой вещи, тождественное ему по содержанию. Только в этом смысле можно говорить о единстве субъекта и объекта в процессе познания. Вещь в сознании человека отражается в понятиях, в логических формах мышления, но форма вещи является неотделимой от ее содержания.

Теперь остается рассмотреть вопрос о том, как происходит соединение формы познаваемого объекта с разумом, каким образом разум, обладающий потенцией познания, активизируется воздействием внешнего материального предмета, являющегося, по утверждению неотомизма, пассивным и зависимым. Подобный анализ поможет раскрыть подлинный характер неотомистской теории познания, лучше увидеть, в чем заключается объективность и субъективность этой теории.

Вопрос о том, каким образом из ощущений возникает идеальное значение, как соотносятся чувственное и рациональное в познании, является действительно важной и полностью еще нерешенной философской проблемой. Советские философы отмечают важность и трудность решения вопроса о соотношении физиологического и психического, чувственного и рационального в процессе познания. Трудность решения этого вопроса неотомисты видят не в том, каким образом данные ощущений как физиологические факты становятся психическими, идеальными, т. е. фактами высшего качества, при материальном их единстве, а в том, каким образом воздействие материального мира, как низшей и в принципе отличной от духовного мира ступени бытия, может вызвать активность нематериального разума.

Познаваемый человеком материальный объективный мир, по мнению неотомистов, является единством формы и материи. В процессе познания познаваемая вещь вначале действует на органы ощущения человека как единство формы и материи, а потом форма «дематериализируется» и свободная от материи входит в разум. Вопрос, таким образом, заключается в том, как в ощущениях познающего субъекта совершается отделение формы от материи или, проще говоря, каким образом совершается превращение физиологического, т. е. материального, в идеальное.

Процесс познания неотомисты изображают как деятельность, исходящую из двух источников: из предметов внешнего материального мира, которые воздействуют на ощущения человека, и из способности познания, присущей разуму в потенции. Главным источником является присущая разуму способность познания, потребность в деятельности, которая определяет и «дематериализацию» показаний ощущений. С одной стороны, неотомисты признают воздействие объективного материального мира и зависимость деятельности разума от этого воздействия, а с другой, как идеалисты, они отстаивают активность и свободу нематериального разума, т. е. его независимость от материального воздействия. Чтобы избежать противоречия неотомисты разделяют разум на пассивный (*intellectus passivus*), или возможный интеллект, и активный интеллект (*intellectus agens*). Их функции в общих чертах таковы: активный интеллект извлекает из ощущений формы познаваемых вещей и направляет их в пассивный интеллект, который воспринимает эти уже готовые, «дематериализированные» формы и совершает всю дальнейшую умственную деятельность. «Пассивный интеллект не может сенсорные формы сделать интеллигибельными, так как это предполагает активность пассивного интеллекта еще до акта познания. Следовательно, здесь должна быть другая способность души, отличная от сенсорных

способностей и от пассивного интеллекта... Поэтому она должна быть активной и в то же время интеллектуальной способностью»²¹.

Но раздвоение разума и введение в процесс познания активного интеллекта не помогает неотомистам избежать ни противоречивости, ни субъективизма. Активный интеллект все равно остается имманентной способностью разума, по своей природе и активности независимой от материи. А внешний материальный предмет, хотя и вызывает своим воздействием деятельность активного интеллекта, но по своей роли в процессе познания остается вторичным.

Неотомистский активный интеллект проникает во все части тела и играет как будто роль «агента» разума в ощущениях. Активный интеллект «не парит над телом, но живет в нем, живет в ощущениях, воодушевляет и руководит ими»²². Представления из данных ощущений производятся не только для разума, но также и «под неосознанным руководством и вдохновлением» разума. Ощущения и вся физиологическая ступень познания, как утверждает Донсил, находятся в зависимом от разума положении. Ощущения не только доставляют разуму материал для его мыслительной деятельности, но и зависят от разума как от оживляющего и вдохновляющего источника. «Интеллект — конечная цель ощущений. Ощущения — потенциально интеллигибельны, т. е. их данные не только могут быть превращены в интеллектуальное знание, но и хотят, стремятся к этому, проникнуты этой целью»²³. Разум в какой-то степени является формальной причиной чувственного знания, — продолжает свои рассуждения Донсил.

Таким образом, в неотомистской практике чувственное знание, как и сам материальный объект познания, являются вторичными по отношению к разуму, подчинены ему, как материальное — идеальному, менее совершенное — более совершенному. Материальный объект познания и чувственное знание служат для того, чтобы возбудить априорно находящиеся в разуме способности и доставить им материал для деятельности. Как в основе материальных предметов, так и в основе чувственной ступени познания, согласно неотомизму, лежат «интеллигибельные характеристики» и «потенциальности», которые являются целью познания и делают возможным само познание. Г. Рейт пишет: «Мы должны допустить, что в предметах, познанных чувствами, радикальным образом содержится интеллигибельное»²⁴.

«Дематериализирующая» роль активного интеллекта в процессе познания не уменьшается и при дальнейшем рассмотрении вопроса о переходе чувственного знания в интеллектуальное. С точки зрения неотомизма, формы познаваемых предметов проходят сложный путь, пока из материальных данных в ощущениях они превращаются в интеллигибельные формы разума. Соответственно двум главным этапам этого пути (чувственному и идеальному) формы познаваемых предметов неотомисты называют *phantasms* и *species*. *Phantasms* называются воспринимаемые ощущениями формы познаваемых предметов, т. е. их формы в сенситивном уровне познания. Они еще материальны и существуют только при непосредственном воздействии познаваемого предмета. *Species* начинают уже «дематериализированные» формы. «Так как сам объект не может войти в способность (в способность познания, т. е. в разум. — Б. К.) и соединиться с ней, это соединение происходит необходимо при

²¹ Там же, стр. 166.

²² I. Donceel, указ, произв., стр. 266.

²³ Там же.

²⁴ H. Reith, указ, произв., стр. 168.

помощи определенной формы, называемой *species*»²⁵. «Интеллигибельные *species* нематериальны, а *phantasms* материальны»²⁶. *Species* разделяются на *impressed species* и *expressed species*, что соответствует низшему и высшему уровням «дематериализации». *Impressed species* — «дематериализован», но еще неспособны войти в разум формы познаваемых вещей. Они служат для *expressed species*, которые есть полностью «дематериализованные» формы и дают разуму достоверное знание о познаваемом предмете. *Impressed species* дают еще неосознанное знание, *expressed species* — осознанное, действительное знание.

Превращение форм познаваемого предмета из *phantasms* в *species*, их переход от низших *species* к высшим происходит благодаря активному интеллекту. «Активный интеллект освещает *phantasms*, более того, благодаря способностям активного интеллекта из *phantasms* извлекаются интеллигибельные *species*»²⁷.

«Сенситивные *species* являются инструментами, при помощи которых активный интеллект изготавливает новые *species*»²⁸.

Из всего сказанного следует, что при раскрытии внутреннего механизма неотомистского понимания теории познания обнаруживается метафизичность и субъективизм этого механизма. Сложный и обоснованно поднимаемый вопрос о соотношении чувственного и рационального в познании неотомисты «решают» при помощи активного интеллекта. Этим неотомисты противоречат своему положению о том, что разум производится в деятельность только благодаря воздействию внешнего предмета.

Неотомистский активный интеллект означает также уменьшение роли ощущений в познании. Познавательная ценность показаний ощущений определяется степенью участия в них активного интеллекта. Разум узнает о данных ощущений лишь постольку, поскольку их «освещает» и «поднимает» активный интеллект.

О показаниях органов чувств при воздействии внешнего материального мира мы действительно узнаем только тогда, когда они через нервные связи доходят до больших полушарий головного мозга и вызывают там соответствующие идеальные процессы. Нервные связи являются посредником между органами чувств и мозгом, но этот посредник материален и доступен объективному научному изучению. Неотомистский активный интеллект, который тоже играет роль посредника между ощущениями и разумом, полностью идеален и только в силу этого, как утверждают неотомисты, способен исполнять свои функции. Упомянутые в данной статье авторы в своих произведениях не упоминают о том, какие физиологические, материальные процессы они подразумевают под термином «активный интеллект». Это позволяет делать вывод, что неотомистский активный интеллект является чисто духовной активностью, не имеющей никаких физических параллелей.

Таким образом, неотомистский активный интеллект с научной точки зрения в процессе познания ничего не раскрывает и нисколько не способствует решению проблемы о соотношении чувственного и рационального в познании. Неотомистское понятие активного интеллекта является ненаучным, метафизическим по своему содержанию, ничего не отражающим. Оно нужно неотомизму, с одной стороны, для того, чтобы сохранить потенциальное состояние «пассивного разума», избегая этим обви-

²⁵ J. Peifer, указ. произв., стр. 67.

²⁶ G. Klubertanz, указ. произв., стр. 170.

²⁷ J. Peifer, указ. произв., стр. 117.

²⁸ H. Reith, указ. произв., стр. 168.

нения в субъективизации разума, и, с другой стороны, для того, чтобы трактовать познание как в сущности нематериальную деятельность, зависящую от духовных потребностей разума.

Но этим неотомисты только усугубляют субъективистское понимание разума человека как субъекта познания и весь процесс познания, т. к. сознание, разум человека ими изображаются как априорно обладающие способностью «дематериализовать», т. е. абстрагировать данные ощущения. В этой связи возникает вопрос о том, каким образом активный интеллект, как независимая от материи способность разума, может абстрагировать данные ощущений, т. е. отвлекаться от всех индивидуальных или, как говорят неотомисты, материальных черт воспринимаемого предмета и сохранять только всеобщие, идеальные его черты. Такая способность активного интеллекта предполагает некоторое знание им предмета еще до опыта. Пытаясь устранить это противоречие, Донсил пишет: «Знают не интеллект, не чувства, а человек»²⁹.

Таковыми же метафизическими и ничего не объясняющими в познании являются *phantasms* и *species* как формы познаваемых предметов в разных ступенях «дематериализации». О том, что такое *species*, упомянутые авторы высказываются неодинаково и даже противоречиво. «Аристотель и Фома предлагают употреблять слово «*species*» для названия формы другого, поскольку она нематериально воспринимается познающей способностью»³⁰. Согласно этому определению, *species* — это формы познаваемых предметов, которые разум стремится познать. Так как, согласно утверждениям неотомистов, познаются только интеллигибельные характеристики материального мира, только формы предметов, а *species* есть уже «дематериализованные» формы в познающем субъекте, существующие более совершенным, интенциональным способом, то следует, что разум познает не предметы, а только *species*. Разум познает *expressed species*, которые ему «подготавливает» активный интеллект, очистив формы объекта познания от материальных черт. Отсюда следует субъективистский вывод, что разумом познаются не предметы вне человека, а *species* внутри человека. Однако сами неотомисты об этом не говорят, наоборот, они уверяют, что такой вывод отнюдь не следует из их рассуждений. «*Species* не познаются: они являются лишь средством, благодаря которому познаются вещи»³¹, — пишет Дж. Пейфер, противореча данным выше определениям, согласно которым *species* — это формы предметов в познающем субъекте. По произведениям Пейфера, Донсила, Рейта трудно понять, что разум человека познает — предметы или *species* и что такое *species* — «дематериализованные» формы предметов или только средство, благодаря которому познаются предметы. Метафизичность и схоластичность не помогают неотомистам скрыть истинный смысл их положений.

Знаменательным является происходящее в последнее время сближение неотомизма с философией И. Канта, особенно по вопросам теории познания. Эта тенденция обнаруживается в трудах таких ведущих западногерманских неотомистов, как И. Лотц, В. Бруггер, И. де Фриз. В связи с этим неотомистская мысль об изначальной активности разума в познании еще более субъективизируется в духе кантовского априоризма и агностицизма. И. де Фриз пишет: «Рассудок к данным ощущений, подобно субстанциальности и каузальности, добавляет также бытие»³². В другом произведении И. де Фриз утверждает, что «реальное бытие воспри-

²⁹ *J. Donceel*, указ. произв., стр. 258.

³⁰ *J. Peifer*, указ. произв., стр. 64.

³¹ Там же, стр. 89.

³² Цитировано по книге „*Kant und die Scholastik heute*“, München, 1955, S. 3.

нимаемого объекта дается не в чувственной интуиции, но привносится мыслью. . .»³³ Судя по этим высказываниям, И. де Фриз отстаивает мнение, что общие понятия привносятся разумом готовыми к чувственным данным, что они, следовательно, не могут быть почерпнуты разумом из опыта, а присущи ему до опыта. В связи с этим И. де Фриз и И. Лотц обращают внимание на то место в философии Фомы Аквинского, где говорится о *sensus communis*, т. е. о способности разума соединять разные впечатления, приходящие из органов чувств. Эта способность сопоставляется с кантовским синтезом восприятия (*Synthesis der Apprehension*) и считается одним из пунктов, общих томизму и философии И. Канта. Дальше И. де Фриз пишет, что все содержание наших понятий и суждений не может быть выведено из чувственного опыта³⁴. Это тоже соответствует рационализму 17—18 в. и кантианству.

Подобные мысли не чужды и американским неотомистам. Уже упоминавшийся нами Дж. Пейфер пишет, что «человек имеет способность, которая связывает, координирует различающиеся между собой объекты, соединяя их в психическое единство, которое соответствует физическому единству вещей в природе»³⁵. При этом Дж. Пейфер нигде не упоминает о том, что, связывая различные объекты и их свойства, разум человека только отражает объективное положение объектов. Способность объединять впечатления для Дж. Пейфера так же априорно присуща разуму, как активность и свобода. Критикуя субъективистское понимание махистами категории причинности и необходимости, Ленин писал: «. . . Выведение порядка и необходимости природы не из внешнего объективного мира, а из сознания, из разума, из логики и т. п. не только отрывает человеческий разум от природы, не только противопоставляет первый второй, но делает природу *частью* разума, вместо того, чтобы разум считать частичкой природы»³⁶. Эти слова Ленина могут быть полностью отнесены и к оценке неотомистских положений о том, что разум добавляет к данным ощущениям бытие и единство.

Вопросам теории познания неотомисты уделяют много внимания. Это объясняется быстрым развитием науки, ростом влияния марксистской философии, которую неотомисты считают своим главным противником. Неотомисты вынуждены давать ответы на вопросы гносеологии, выдвигаемые развитием науки. Однако при этом вопросы теории познания они пытаются согласовать с положениями религии, что является выражением одного из главных положений неотомизма, гласящем, что наука должна согласоваться и подчиняться вере. Но добиться этого неотомисты могут, лишь эклектически сочетая элементы субъективизма со своими основными объективно-идеалистическими положениями. В результате вся неотомистская концепция теории познания представляет собой эклектическое смешение элементов объективного (главным образом) и субъективного идеализма.

С другой стороны, неотомисты дополняют свое идеалистическое понимание человека вопросами теории познания. Утверждая о главной, определяющей роли разума (как способности нематериальной души) в познании, неотомисты проводят мысль о независимости человеческого познания от материи и в гносеологическом аспекте. Но это достигается тоже только путем субъективизации понимания человеческого разума, путем эклектического смешения элементов объективного и субъективно-идеализма.

³³ *J. de Vries*, *La pensée et L'être*, Louvain—Paris, 1962, p. 49.

³⁴ *Kant und die Scholastik heute*, S. 15.

³⁵ *J. Peifer*, указ. произв., стр. 100.

³⁶ *В. И. Ленин*, Соч., изд. 4-ое, т. 14, стр. 142.

Все эти моменты говорят о непоследовательности и антинаучности неотомизма. Это также говорит о том, что, будучи не в состоянии создать последовательное объективно-идеалистическое мировоззрение, современные буржуазные идеологи обращаются к религиозной идеологии. Это свидетельствует о глубоком идейном кризисе буржуазного общества.

Институт философии
Академии наук СССР

Представлена в декабре 1964 г.

KAI KURIŲ NEOTOMISTINĖS PAŽINIMO TEORIJOS KLAUSIMŲ KRITIKA

B. KUZMICKAS

Reziümė

Neotomizmas — objektyviojo idealizmo atmaina — pripažįsta egzistuojant nepriklausomai nuo žmogaus sąmonės objektyviąją tikrovę, jos pažinimą. Tačiau paskutine pasaulio priežastimi ir pagrindu jis laiko abso-
liučią nematerialią būtį — dievą.

Materialaus pasaulio pažinimas, neotomistų teigimu, yra iš esmės nematerialus procesas, kuris yra galimas nematerialios proto prigimties ir idealių materialaus pasaulio apibūdinimų dėka. Protiškai pažinios esančios tik idealios materialių daiktų formos, bet ne pati materija. Žmogaus protas, kaip tvirtina neotomistinė filosofija, yra sielos pasireiškimo forma, kas apsprendžia jo apriorinį aktyvumą ir intencionalumą pažinimo objekto atžvilgiu. Jutiminis suvokimas sąmonės faktais tapęs dėka veikiančiojo proto (intellectus agens), kuris daiktų formas (species) pažinimo procese „dematerializuoja“ ir nukreipia į pasyvųjį protą (intellectus passivus).

Tokiu būdu aiškindami pažinimo problemas, katalikybės filosofai ignoruoja tą aplinkybę, kad pažinimas yra objekto ir subjekto sąveika, kurioje materialus objektas vaidina lemiamą vaidmenį, kad pažinimas yra galimas tik žmogaus visuomeninės praktinės veiklos dėka.